

НАША КОМУНАЛКА

ОГОНЁК

№21 2008

В отношениях России с бывшими братскими советскими республиками скандалы вспыхивают с частотой скандалов в плохой коммунальной квартире советских времен. Вспыхивают они из-за чего угодно, иногда совершенно на пустом месте. И, опять-таки как в советской коммуналке, это значит, что глубокая причина этих скандалов—не их конкретные поводы (непогашенный в туалете свет, плата за газ, статус Севастополя и т.д.), а раздражение, недовольство жизнью, ощущение своей ущербности, которые ищут повода, чтобы излиться на соседа.

Сейчас, более или менее на пустом месте, возник очередной российско-украинский скандал, вызванный выступлением в Севастополе мэра Москвы Лужкова, где он в очередной раз озвучил свои и российские претензии на «город русской славы» и заявил, что вопрос о Севастополе «мы будем решать». Слишком углубляться в конкретные причины того, почему Лужков решил сейчас устроить этот скандал, вряд ли стоит. Лужков—большой патриот. И чем ближе естественный конец его управления Москвой, тем более растёт (и уже «зашкаливает») его патриотизм. Когда украинские спецслужбы при приезде в Крым предупредили его, чтобы он скандала не устраивал, не устроить его он уже не мог. И ясно также, что он выплеснул не только свое личное, но и общероссийское раздражение и вообще на «международную ситуацию», и в частности на бывшую «младшую сестру», которая возомнила о себе невесть чего и даже собирается в НАТО. Поэтому и наш МИД никак не может осудить Лужкова—у МИДа те же самые эмоции.

Российскую внешнюю политику, особенно на постсоветском пространстве, невозможно объяснить чисто рационально. Модель коммунальной квартиры с ее постоянным статусным беспокойством, глубоким раздражением и скандалами на пустом месте—это не литературное преувеличение и не метафора. Это действительно модель. И один из жильцов этой коммуналки имеет все основания быть особенно раздраженным на всех соседей. Распад СССР превратил республики, безоговорочно подчиняющиеся Москве и признающие в России «старшую сестру», в равноправные и «равностатусные» с Россией. Это очень похоже на ситуацию «уплотненного» революцией бывшего домовладельца, ставшего обладателем комнаты в квартире своего дома, где вместе с ним живут его бывшие жильцы, или большого начальника, которого вдруг сняли с поста и он оказался на одном уровне с бывшими подчиненными. Перейти от ситуации «начальника» и «хозяина» к ситуации «равностатусного» психологически всегда очень трудно. При каждом контакте с сотрудниками (бывшими подчиненными) и соседями (бывшими жильцами) в душе возникают вопросы: «Уважают ли они меня?», «Не смеются ли они надо мной?», «Что ж, я теперь должен с ними на «вы» говорить?» и т.д. (При этом бывшие подчиненные тоже не ангелы, иногда им очень приятно напомнить бывшему начальнику, что это раньше он был очень важный, а теперь он такой же, как они.) Это объективно конфликтогенная ситуация, и такое общежитие просто не может не быть трудным. Трудно в нем всем, но особенно трудно—бывшему начальнику, которому вполне можно по-человечески посочувствовать. Как же может развиваться эта объективно конфликтогенная ситуация?

Севастополь, естественно, Россия не получит—об этом даже и говорить не стоит. Устроенный Лужковым скандал, как очень многие бывшие у нас с Украиной (вспомним хотя бы Тузлу) и другими соседями скандалы, скоро полузабудется. И всячески муссировать и вспоминать его, очевидно, будут прежде всего те украинские деятели, которые хотят поскорее ввести Украину в НАТО. Украинцы—не народы Балтии. На Украине, особенно на ее востоке и юге, сохраняется сильное эмоциональное отношение к России. Украинцы хотят в Европу, но большинство пока не хочет в НАТО, вступление куда ощущается как антироссийское действие, как отказ от пусть не старшей, пусть с тяжелым характером, пусть иногда невыносимой, но все-таки сестры. Нужен очень высокий уровень усталости от постоянных российских скандалов и претензий, чтобы украинское большинство решило, что сантименты должны остаться в прошлом. И российские деятели, а особенно Лужков, делают все, что в их силах, чтобы этот уровень был достигнут как можно скорее. Я не думаю, что, предупреждая Лужкова о недопустимости высказываний, ставящих под сомнение «суверенитет и территориальную целостность Украины», украинские спецслужбы сознательно его провоцировали, это уж слишком коварно. Но объективно Ющенко должен благодарить Лужкова, и если на Украине дело дойдет до референдума о вступлении в НАТО, украинскому правительству стоило бы где-то за месяц до референдума снять с московского мэра запрет на посещение Украины.

То, что вступление Украины в НАТО становится с каждым днем все более вероятным,—прямое следствие российской политики, если череда скандалов, то из-за всего Крыма, то из-за одного Севастополя, то из-за Тузлы, то из-за оранжевой революции («выбирают кого хотят, хотя им ясно сказали, кого надо»), то из-за цен на газ, можно назвать политической.

Это политика, продиктованная российским неврозом. Но поведение невротика всегда влечет за собой как раз те следствия, которые невротик старается избежать, которых он боится. Если бывший начальник обижается по любому поводу и требует от бывших подчиненных разных знаков уважения, эти бывшие подчиненные обязательно будут стараться как-то от него избавиться, например спрятаться в НАТО.

На нас давит груз прошлого. Мы относительно легко в декабре 1991 года отказались от СССР. Но этот отказ не был результатом каких-то глубоких размышлений и трудных решений. Он произошел дуриком—решением плохо соображавшего правителя, думавшего, что от СССР можно избавиться и ничего особенно не изменится («куда они от нас денутся?»), при полном молчании оглушенного не понятными ему переменами, не способного к самоорганизации народа, который только что голосовал за сохранение Союза. Поэтому за легкость распада СССР (как и за легкость отказа от советской власти в целом) нам пришлось заплатить тем, что советское прошлое не изжито, не переосмыслено и не переборено. И как в нашей внутренней жизни мы почти невольно, «само собой», восстанавливаем привычные нам советские формы, так и в наших отношениях с другими мы тоже «само собой» возвращаемся к советскому стилю поведения. Но изменилось и наше общество, и весь окружающий нас мир. И то, что когда-то было естественно, органично и «серьезно», в новых условиях становится болезненным и «пародийным». Как в съезде «Единой России» легко увидеть «фарсовое», «пародийное» повторение съездов КПСС, так в нашей внешней политике есть сильный компонент «фарсового» варианта политики СССР.

Если ты пытаешься вести себя по отношению к другим, как вел себя раньше, при абсолютно ином соотношении сил, сохраняешь стиль поведения, адекватный в старых условиях, в условиях совершенно новых, ты не можешь не терпеть поражение за поражением. Отсюда—цепь неудач российской внешней политики. Мы поддерживали Югославию Милошевича. Где теперь Югославия? Мы поддерживали претензии Сербии на Косово. Но сербы только что продемонстрировали, что понимают, что Косово не вернуть, а европейская перспектива для них важнее. Мы говорили, что, если страны Балтии войдут в НАТО, мы пересмотрим всю свою политику и вообще будет что-то страшное. Они вошли в НАТО, и ничего страшного мы не сделали, потому что и не можем. Список можно продолжить—он очень большой и все растет.

Невротик, травмированный потерей прежнего могущества, сам создает вокруг себя враждебную среду. Чем больше он требует любви и уважения, тем меньше он их имеет. Окружающим с ним трудно, его избегают. Даже трубопроводы стараются проложить так, чтобы они не проходили через его территорию—пусть дороже, но спокойнее, никогда не знаешь, что он выкинет. Но это усугубляет невроз. Невротик начинает казаться, что его сознательно изолируют, что против него плетут заговоры. Он начинает входить в фантастический параноидальный мир. Запад боялся распада СССР, и Буш-старший вызвал громадное разочарование украинцев, выступив в 1991 году в Киеве в поддержку союзного государства и с предупреждениями против национализма и сепаратизма. Но большинство у нас убеждено, что американцы СССР разваливали («А почему же он развалился?»). Цветные революции были естественно результатом эволюции обществ, в которых они произошли. Но наши власти до сих пор совершенно искренне убеждены, что их организовывали американцы (и также убеждено едва ли не большинство россиян), и очень боялись, как бы они не устроили такую революцию у нас. Никому особенно не надо принимать Украину и Грузию в НАТО, и примут их туда только после их бесконечных просьб, когда они выполнят все необходимые требования, и не принимать их будет уже просто нельзя. Но нам кажется, что их туда затаскивают.

Сейчас в нашем сознании борются две тенденции. Есть невроз, приводящий к «неадекватному поведению» вроде лужковского. И есть другая тенденция. Все-таки происходит некоторая психологическая адаптация к новому положению и к современному миру. Образы и привычки прошлого и реальность борются в нашей душе. В конечном счете реальность не победить не может. И только надо надеяться, что эта победа достанется не слишком большой ценой. Со временем нам придется преодолеть не только стереотипы России в сознании других народов, идущие от времен Российской империи и СССР, но и те стереотипы, которые создаются сегодня. Вполне представима ситуация, когда Украина уже будет в НАТО и ЕС, а мы сами начнем стучаться в западные двери, украинцы будут спрашивать нас: «А вы помните, как вы строили дамбу в Керченском проливе, как вдруг запросили громадную цену за газ, как Лужков приезжал в Севастополь?» А мы будем отвечать: «Ну зачем это вспоминать. Когда это было! Кто сейчас в России об этом помнит?»